

10 Иванов Михаил Екимов (1875 г.р.)	23.09.1911 - 1919
11 Садафьев Михаил Иоаннов (1893 г.р.)	05.10.1915 - 1918

Источники: ГАТ. Ф. 156. Оп. 2. Дд 698, 699, 979, 1905, 2007; Ф. 156. Оп. 3. Дд 287, 128, 964, 1062, 2809; Ф. 156. Оп. 24. Д. 4; ГАКО. Ф. 235. Оп. 6. Д. 1; Ф. 18. Оп. 1. Дд. 1, 16, 21, 36, 199, 203.

Церковь в с. Чернавском Глядянского района была закрыта по решению Челябинского облисполкома от 13 января 1937 г. на основании требований общегражданского собрания с. Чернавка и с. Межборка [27].

С 2004 г. с назначением во вновь открытый Чернавский приход Курганской и Шадринской епархии священника Павла Балина приходская жизнь возобновилась.

Список источников и литературы

- 1 История земли Курганской. Курган, 1997. Ч. 1. С. 73.
- 2 Толстых Н.Ю. Варгашинский район (села и деревни до середины XIX века) // История Курганской области. Курган, 2001. Т. 6.
- 3 ГАТ. Ф. 156. Оп. 2. Д. 849. (Государственный архив в г. Тобольске).
- 4 ГАТ. Ф. 156. Оп. 2. Дд. 699, 2007.
- 5 Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи: 3 части в 5 т. СПб., 1773. Т. 2. Тобольская губерния. С. 399-447.
- 6 ГАТ. Ф. 156. Оп. 4. Д. 313. (Государственный архив Тобольска).
- 7 ГАКО. Ф. И. 235. Оп. 1. Д. 111. (Государственный архив Курганской области).
- 8 ГАТ. Ф. 156. Оп. 4. Д. 1301.
- 9 ГАКО. Ф. И. 235. Оп. 1. Д. 180.
- 10 ГАКО. Ф. И. 235. Оп. 1. Д. 182.
- 11 ГАКО. Ф. И. 235. Оп. 1. Д. 203.
- 12 ГАКО. Ф. И. 235. Оп. 1. Д. 146.
- 13 ГАКО. Ф. И. 235. Оп. 1. Д. 5.
- 14 ГАКО. Ф. И. 235. Оп. 1. Д. 275.
- 15 ГАКО. Ф. И. 18. Оп. 1. Д. 36.
- 16 ГАКО. Ф. Р-2380. Оп. 6. Д. 91. Лл. 14-5.
- 17 ГАКО. Ф. И-235. Оп. 1. Д. 275.
- 18 ГАКО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.
- 19 ГАКО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 21. Л. 2.
- 20 ГАТ. Ф. 57. Оп. 2. Д. 165.
- 21 ГАКО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 36. Л. 66 об.
- 22 ГАКО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 21. Л. 82
- 23 История земли Курганской. Курган, 1997. Ч. 1. С. 108.
- 24 ГАКО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 36. Л. 5.
- 25 ГАКО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 21. Л. 13.
- 26 ГАКО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 21. Л. 31.
- 27 ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 4329.

И.В. Балюнов

Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник, г. Тобольск

ЗНАЧЕНИЕ ОХОТНИЧЬЕГО ПРОМЫСЛА В ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА ТОБОЛЬСКА В XVII-XVIII ВЕКАХ

В XVII-XVIII вв. для русского населения г. Тобольска было характерно многоотраслевое хозяйство, которое включало в себя животноводство, земледелие, рыболовство, охоту, собирательство. Однако очевидно, что указанные отрасли хозяйства имели различные доли в общей системе жизнеобеспечения. Существует не-

сколько видов источников, на основе которых можно попытаться определить долю охотничьего промысла и его роль в хозяйственной деятельности жителей города. Это данные письменных источников, остеологические материалы и археологические находки промыслового инвентаря.

На основе письменных источников охота как одно из занятий русского населения за Уралом рассматривалась, прежде всего, как пушной промысел. Это во многом связано с тем, что сибирские меха в тот период высоко ценились и играли заметную роль в российской экономике. Можно процитировать С.У. Ремезова, который, описывая богатства Сибири, указывал: «...Паче всех частей света исполнена пространством и драгими зверми безценны» [5, 274]. Следует только отметить, что уже к середине XVII в. пушные ресурсы в местных лесах оскудели. Как пишет О.Н. Вилков, «тобольчанам в поисках пушного зверя приходилось забираться все дальше и дальше от Тобольска. В середине XVII в. они добывали пушного зверя по рекам Вагаю, Тоболу и Ваху» [4, 221].

Остеологические материалы представлены костными останками, собранными в 2000 г. при археологических исследованиях на месте строительства Иконной лавки в Тобольском кремле [1] (определение сделано П.А. Косинцевым), и костными останками из раскопок, проведенных в 2007-2009 гг. в Тобольском кремле и в Саду Ермака (определение сделано Н.А. Пластеевой) [6]. В материалах 2000 г., которые датируются достаточно узким периодом – концом XVI-XVII вв., кости диких животных представлены костями лося, которые составляют 0,6% от общего количества находок. Материалы 2007-2009 гг. относятся к более широкому периоду и датируются авторами раскопок XVII – началом XIX в. Согласно выводам, сделанным в работе Н. А. Пластеевой, кости диких животных составляют от общего числа находок менее 1%, среди них представлены отдельные кости таких животных, как заяц, волк, бурый медведь, лось и фрагменты рогов северного оленя и козули сибирской [6, 233-234].

Археологические находки предметов охотничьего инвентаря представлены деталями огнестрельного и холодного вооружения: пулями, пищальными кремнями, наконечниками шомполов, костяной накладкой на лук, железными и костяными наконечниками стрел [2, 16]. По мнению ряда авторов, кремневые ружья входили в состав промыслового инвентаря и могли использоваться для охоты на крупного зверя [3, 110]. Хотя крайне затруднительно провести четкую границу между военным и охотничьим инвентарем, очевидно, что жители Тобольска стремились по возможности приобретать универсальное оружие, сочетающее в себе возможности боевого и промыслового использования. Но если железные граненые наконечники стрел можно определить как боевые, то плоские двушипные наконечники, скорее всего, использовались в промысловой деятельности. Костяные наконечники, безусловно, относятся к охотничьему инвентарю, но следует отдельно выделить черешковые проникатели, применяемые для добычи мясного зверя и птицы, и тупые втульчатые наконечники – тома-ры, с помощью которых добывался пушной зверь.

На основе всех данных можно прийти к выводу, что уже в XVII столетии местные жители добывали меха преимущественно промысловыми партиями вдали от Тобольска. И в дальнейшем город продолжал оставаться одним из крупнейших центров торговли пушниной в Сибири. Для окрестностей Тобольска с определенного момента добыча мясного зверя и птицы стала практи-

чески единственным возможным видом охоты, но можно обоснованно утверждать, что она не имела существенного значения для системы жизнеобеспечения жителей города в XVII-XVIII вв.

Список источников и литературы

- 1 Адамов А.А. Археологические исследования в Тобольском кремле // Русские старожилы: материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2000. С. 450-453.
- 2 Балюнов И.В. Материальная культура населения города Тобольска конца XVI-XVII веков по данным археологических исследований: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тобольск, 2014. 23 с.
- 3 Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазья: новые археологические исследования (материалы 2001-2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск, 2008. 296 с.
- 4 Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М. 1967. 324 с.
- 5 Дергачева-Скоп Е.И. «Похвала» Сибири С.У. Ремезова // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л. 1965. Т. XXI: Новейшие и неопубликованные произведения древнерусской литературы. С. 266-274.
- 6 Пластеева Н.А. Костные остатки животных из раскопок верхнего посада Тобольска // Экология древних и традиционных обществ: сборник докладов конференции. Тюмень, 2011. Вып. 4. С. 231-234.

Ю.Ю. Белых

Курганский государственный университет,
г. Курган

ОСОБЕННОСТИ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ В XIX В.

Абсолютно бесспорен тот факт, что лес – это одна из важнейших составляющих жизни на нашей планете. Значение леса огромно, он влияет на климат и почву, флору и фауну, а также на многое др. На протяжении тысячелетий человек применял древесину в качестве строительного материала, топлива и антисептика. Леса всегда служили защитой от ветра и дождя, препятствовали иссушению почв летом, а зимой сохраняли снежный покров.

Для Южного Зауралья – зоны рискованного земледелия, региона с резко-континентальным климатом – наличие деревьев всегда являлось жизненно необходимым фактором. Переселенец в Южное Зауралье относился к выбору нового места жительства с особой тщательностью. Для успешной деятельности – ведения сельского хозяйства и животноводства, а также занятия промыслами – крестьянину приходилось учитывать наличие природных ресурсов на новой территории: плодородных почв, водоемов и, конечно же, лесных угодий. Домообразование (строительство жилища) являлось базовым компонентом крестьянской культуры жизнеобеспечения наряду с питанием и одеждой [9, 61]. Крестьяне строили дома и хозяйственные постройки в основном из дерева.

Историческая деятельность человека всегда была направлена на истребление лесов. В период интенсивных миграционных процессов (XVII-XIX вв.) лесные массивы Южного Зауралья нещадно вырубались, экстенсивный способ ведения сельского хозяйства требовал все новых территорий. Леса подвергались постоянным переделам между общинниками. Крестьянин, получив определенный участок леса, старался использовать его по максимуму, как можно больше вырубив на дрова, прекрасно осознавая, что спустя 5 лет он полу-

чит новый. Следовательно, земледелец не был заинтересован в сохранении природных богатств. Крестьяне сибирских губерний, вырубая новые леса, рассуждали: «На наш век хватит» [6, 323]. Обширные переделы земель охватывали южную половину Тобольской губернии – Курганский, Ишимский, Ялутовский и другие уезды [6, 327]. К огромному сожалению, леса истреблялись еще и вследствие того, что у государства отсутствовала четкая стратегия по их сохранению. Безусловно, нельзя сказать, что охранительных мер не существовало, а чиновники абсолютно бездействовали. На заседаниях в Шадринском земстве обсуждались проекты по возведению глинобитных построек, а также по замене дров на уголь [5, 39-50]. Но этого было недостаточно.

Уже в середине XIX в. крестьянское население некоторых волостей Южного Зауралья, пытаясь удовлетворить хозяйственную потребность, начало испытывать сильную нехватку древесины. Во второй половине XIX в. ситуация еще больше усугубилась. Примером может служить прошение государству общины Чернавской волости Курганского округа от 11 июля 1773 г., в котором крестьяне пытались доказать, что остатки леса (40 дес.), близ д. Обуховой принадлежат именно им. Община просила дать разрешение на рубку и дележ оставшихся деревьев. В ходе разбирательств следствие выявило, что двадцатью годами ранее лесной участок составлял около 164 дес. Следовательно, 124 десятины было вырублено [2, Л. 9-11].

В Шадринском уезде леса было ничтожно мало, а основная часть имеющегося принадлежала государству. Нуждаясь в древесине, крестьяне жгли леса для того, чтобы получить дешевое сырье, а незаконную порубку считали благим делом и мезью правительству [5, 48].

В середине XIX в. самыми крупными лесными угодьями являлись Илецко-Иковский, Шмаковский, Караштинский, Боровлянский боры, а также леса Марайской волости.

В 1845 г. площадь лесов Марайской волости составляла 19136 дес. Жители волости не только не занимались разведением леса, но и не берегли тот, который имели. В 1846 г. немалая часть угодий была уничтожена пожарами, из оставшегося леса 45% составляла сосна, а 55% – береза. Сосновый лес был плох для строительства и годился только для топлива – дров. На выгоревших же участках поднималась лишь березовая поросль [4, Л. 7].

В Романовской волости находились Шмаковский, Караштинский и Боровлянский боры. Шмаковский бор был расположен по обоим берегам реки Суерь, южнее находился Караштинский бор, а в северной части дачи Усть-Суерского общества – Боровлянский. Шмаковский бор состоял из сосны, березы и осины, растущих на песчанике. Караштинский бор в основном состоял из березы и рос на ровной местности. Господствующей лесной породой в Боровлянском бору являлась сосна, её качество было очень высоким. Крестьяне рубили лес по весне в марте или же в ноябре, а вывозили его зимой. Большие запасы леса позволяли крестьянам не только использовать его в своем хозяйстве, но и заниматься продажей [3, Л. 8].

В конце 80-х гг. XIX века (1888-1889) средняя стоимость древесного сырья, продающегося на ярмарках в Курганском и Шадринском округах, была следующей. Сосновые бревна в 6 арш. 3 вершка – 12 р. за 100 шт., 9 арш. 3 вершка – 15 р. за 100 шт., 12 арш. 3 вершка – 25 р. за 100 шт. Сосновые жерди 9 арш. 1 вершок. – 5 р. за 100 шт., 12 арш. 1 вершок – 8 р. за 100 шт., 15 арш. 1 вершок – 10 р. за 100 шт. Колья сосновые 3 арш.